

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА

Рассказ

Двадцать лет он рос в НИИ до ведущего инженера. Вот так: 120, 140, 160 и — вершина полёта — 180 рублей оклада. Плюс премии. Следующие времена что-то стали делать с нулями на конце зарплат, поэтому соотносить последние с линейкой прогресса стало невозможно. Двадцать лет у него была жена, девятнадцать — сын. Отдельная двухкомнатная хрущёвка (померла тёща) осчастливила где-то между 160 и 180 рублями, класс третий Гришкин. До работы — автобусами с пересадкой, выходить за полтора часа. Обратно пробки больше, как повезёт: от полуроты до двух. Минимум 3 часа в день, умноженные на 20 лет, ну, вычитаем выходные. Когда дали старшего инженера, купили «копейку», семейный автомобиль, ездили в Гришкино детство по центральной России, даже в Крым, но это летом, потому что зимой решили не эксплуатировать, чтобы кузов не гнил. Пять месяцев, пока снег, машина стояла нетронутой в железном гараже, купленном с рук удачным случаем в соседнем микрорайоне. А на работу на автобусе круглый год, привычнее и выгоднее.

Сразу после вуза он даже очень прилично считал разные интегралы, матрицы, кумулянты. Формулами исписывал общие толстые тетради, делая вечерами на кухне наброски будущей кандидатской. Но это было ещё время логарифмической линейки и первых ЭВМ Единой Серии. Когда же, время спустя, однажды достал из портфеля сына и полистал учебник «Основы программирования», то собрал все свои тетрадки стопкой, перевязал бечевой и забросил подальше на антресоли. Жена пожалала плечами и одарила взглядом, который в переводе на язык означал единственное: «Неудачник!» Плевать, он её и не любил.

На работе его звали Иваном Эдгаровичем. В десятке вышедших за 20 лет статей в специализированных журналах в группе авторов можно было найти и его фамилию — Козьявкин. И.Э. Козьявкин. Жена фамилию изначально менять не стала, Гришка тоже пользовался не его, а её...

Портрет Ивана Эдгаровича регулярно раз в год да появлялся на Досках Почёта, от отдельской до институтской включительно. В ящике рабочего стола копились Грамоты «Ударник социалистического труда», соответствующие значки. Знак-ромб высшего образования с голубым фоном И.Э. Козьявкин стойко носил на лацканах своих пиджаков оба десятилетия; пиджаков же за это время, надо полагать, было тоже общим числом два. Штанов, которые протирались быстрее, было, понятно, больше. В одежде он был не сильно взыскательным, и так получилось, что когда ему пришлось менять по возрасту фотокарточку на паспорте, его угораздило сняться у фотографа в той же рубашке, что и в первый раз. Жена любила рассказывать этот анекдот на вечеринках с гостями.

В целом в НИИ его ценили, как ценит инженер свою логарифмическую линейку. НИОКР шёл следом за НИОКРом, небо Родины надёжно

закрывалось нашими РАС, у которых Козьявкин так точно просчитывал диаграмму направленности, делая её всё шире и дальнобойнее одновременно. Ударный труд бывал вознаграждён командировками в столицу, откуда Иван Эдгарович всегда привозил семье масло, сыр, колбасу, индийский чай. Раз в пятилетку Первый отдел выпускал почти за границу — в Ереван, к смежникам, делающим комплектующие для их локаторов, и тогда как приятно было неожиданно из нашей русской зимы окунуться да сразу в лето!

Каждый рабочий день в обеденный перерыв Иван Эдгарович шёл в институтскую столовую с самоучителем английского языка под мышкой. Поговаривали, что он у него всегда заложен на одной и той же странице. Последняя оставшаяся десятиминутка законной передышки оглашалась в отделе негромкими, но внятными бормотаниями Козьявкина: «Э пе-эн... Э пе-энсил.. Биг Бе-эн... Трафалгаскве-за...» Он делал английское выражение лица, кривил всячески рот, зажимал язык между зубами, пускал звуки куда-то в нос, стараясь извлечь заморское среднее между нашими звуками «е» и «э». В общем, он готовился, хотя гриф секретности последней печатью стоял если не на лбу его, то на личном деле точно.

Смену строя в стране Козьявкин как-то воспринял не сразу, ибо его политическая активность на то время была близка к нулю. По молодости он ещё интересовался политикой, смотрел «Международную панораму», собрал даже целую папку газетно-журнальных вырезок, что смог достать, по конфликту на Даманском, по 38-й параллели на Корейском полуострове, по нашим летчикам во Вьетнаме и ракетчикам на Кубе. А вот Афганская война для него шла уже где-то в непересекающемся с ним мире. Максимум — анекдоты в курилках сначала про брови, про «Двадцать шестой съезд», потом про гонки на лафетах, дальше — голова на рельсах, колесо самолёта... Потом шутить уже стали только шендеровичи, потому что оборонная тематика в НИИ вдруг и сразу кончилась вся, зарплаты стали выдавать по частям и с перебоями, народ побежал. Начальство то бросалось выпускать кастроли на опытном производстве, то заводило свиномкомплекс на базе своего антенного полигона, куда вахтовым методом посылаало отделы в полном составе, как батальоны на передовую. Ничего не помогало, и положение только ухудшалось. Зарплаты урезали, пошли массовые сокращения штатов (какие уж тут командировки!). Институтские евреи дружно снялись и перелетели в Германию, Израиль, Америку. Другие национальности варили дома джинсу, по ночам торговали цветочками и в отпусках за свой счет челночили до Турции, чтобы поддерживать свой рыночный семейный бизнес. Наиболее пассивные занялись и делами посерьёзнее. Лихие «девяностые» катили по стране.

Дома шли скандалы. Жена требовала от кормильца корма, иждивенца-первокурсника надо было содержать на платном месте экономфака. Расконсервировали «копейку», погнали шоферить в зиму, в ночь. Не прошло и недели, как водитель едва дополз на этаж до своей двери с пробитой головой. Машине разбили лобовуху и прокололи шину.

Тогда жена стала искать варианты.

НИИ он покинул навсегда практически последним в тот же день, когда его окончательно ликвидировали, продав помещения филиалу совместной американо-российской фармацевтической фирмы, запускавшей производство новой упаковки для БАДов. Он почти «дотянул» до середины «нулевых». Как-то так... Не без потерь... Жена самостоятельно нашла то, что искала, а точнее, того. Сын, уже участвующий в непонятном «бизнесе», назвал Козьявкина «лошарой» и перестал воспринимать отца всерьёз. В его планах значилась эмиграция.

Прошёл развод. Квартира-хрущовка по договорённости ушла жене и Гришке, а на все семейные накопления и деньги, вырученные от про-

даже машины, подыскали для Козьявкина в деревянном старом фонде однокомнатку метров на двадцать в окраинном районе города. Там он на оставшемся от прежних хозяев клоповом диванчике и стал штудировать новые для него конституцию и трудовой кодекс, чтобы понять, куда бы в нагряншем дивном мире приспособить свою логарифмическую заточенность. Больше всего его удивляла в прочитанном неопределенность самой простой связки: вот работа — вот зарплата.

Оказалось, при воспрянувшем капитализме есть биржа труда. Типа, государственные гарантии. Изучив тему, Иван Эдгарович смело шагнул. Полгода не прошло, а ему подвалила вакансия: учитель физики и математики в колледже. Вузовский диплом позволял, университет как-никак. Интегралы с дифурами Козьявкин по новой сейчас бы и не осилил, но вспомнить, как считать дискриминант, и разобраться в разнице разности кубов и куба разностей он ещё мог. Ну и законы Ньютона с весом и силой тяжести пришлось освежить.

Черт оказался не таким страшным, как его малевали. Конечно, школа от биржи труда была «отстойной» и вполне соответствовала его статусу «лошары». Другой диаметральный конец города, три четверти учеников имели цвет кожи темней козьявкинского, половина плохо говорила по-русски, а двое из 11-го «А», которые на голову повыше Ивана Эдгаровича, похоже, вообще по-русски не понимали. Вычерчивая на доске векторные диаграммы приложения сил и бубня отдельные буквы латинского и греческого алфавитов, он спиной слушал ровный гомон инородного табора, живущего абсолютно своей жизнью, где ему, Козьявкину, хоть чуелом, хоть тушкой, а места нет.

Контакт был вечером за углом школы. Те двое привели переводчика, который передал условия помилования: «Хорошо» в аттестатах. И не просто таким, как он, не платят, а спасибо ещё скажи, что так «бэзпроблэмно» можешь отделаться...

И это счастье было всегда с ним пять лет подряд, пока директриса Шахзадовна не привела свою окончившую педучилище седьмой воды племянницу луноликую Шагане, которой и надо было джентльменски уступить место.

Новая пятилетка опять началась полугодовым пособием, а также бесплатными компьютерными курсами. И вот уже молодой специалист компьютерного ввода данных безостановочно вводит их в какие-то «экселевские» бухгалтерские таблицы восьмичасовой пятидневкой в полуподвале федерального государственного унитарного предприятия. Зарплата соответствует официальному минимуму на фиксированный момент. Логарифмическая линейка гнётся, но не ломается. Ей забивают гвозди. Из неё сыпятся шарики и ролики. Иван Эдгарович проделывает деволуцию от компьютера — к калькулятору — к арифмометру — к своей линейке, которую используют вместо молотка, забивая ею бухгалтерские гвозди. Ах, милые мои диаграммы направленности, где вы?!

Козьявкин левеет на глазах, вечерами он достаёт перечитать у себя в комнатёнке «Железную пяту» Джека Лондона, юношеское своё увлечение, вдруг видит там новые смыслы. Он припоминает слово с политической информацией — «эксплуатация». Человека человеком. Человека — государством. Революционность зреет в нём и за два года доходит до точки бунта, когда «низы не могут». Всё, «по собственному».

Больше на биржу ни ногой. Отечественная интифада! Но и за двадцать твоих деревянных метров идут счета, платёжки. Да и кушать хочется. Ну, вспомнил Иван Эдгарович, как питался во время учёбы в общежитии буханкой черного хлеба, бутылкой масла подсолнечного и пачкой соли на неделю. В тарелочку маслица нальешь, подсолишь по вкусу, корочку макаешь, водичкой из-под крана запиваешь. Икается потом только... А хлеб и макароны с молоком тоже денег стоят. Пошёл он было в жэк дворником предлагаться, да там своя Сахирзадовна все дворничьи места своим задом да и позанимала. Подходил в сторожки автостоя-

нок и складов, в смысле посторожить чего-нибудь. Выяснилось, Митьки с Петьками здесь уже очереди на два года вперёд позанимали, так что — это вряд ли. Туда торк, сюда торк... Позвонил бывшей, у неё всё хорошо, да, Гриша в Будапеште, на стажировке, да, и лучше не звони... Потом просидел не выходя с неделю в комнатухе своей, понял, что миру до него дела нет. И завождедел тогда Козьявкин пенсии.

Оставалось-то до неё Ивану Эдгаровичу три годочка, как-нибудь самозанятостью время это перебиться и можно бы было. Но тут случилась она. Пенсионная реформа. Не спросясь у него, быстренько «всенародным одобрением и пониманием сложности момента». Козьявкин от такой наглости властей опешил, долго что-то считал столбиками на листочках в клеточку. Что-то никак всё в его бухгалтерии не сходилось. Наконец, вывелась и обвелась кружочком некая четырехзначная цифра с шестеркой в начале. Иван Эдгарович долго на неё глядел, спустя вечность вздохнул, улыбнулся сам себе и спрятал бумажку под скатерть.

Мысли той бессонной ночью его были несвойственно грустные. Почему-то вспомнились родители. Вспомнилось, как недалеко от Московского вокзала на тротуаре, на месте, где часто собираются бомжи и цыганско-среднеазиатские матроны с младенцами, он недавно видел разбросанную горсть десятикопеечных монет. Люди шли, никто не нагибался.

Козьявкину пришла в голову мысль, что показатель уровня несправедливости в обществе — это наличие денег, не выполняющих свою функцию. Когда монеты или купюры никому не нужны или, наоборот, практически никому не доступны для владения. Вспомнился Владимир Высоцкий, «было время — и цены снижали». На своём веку он такого не помнил. Деноминацию помнил. Новая двухсотрублёвая купюрка-«набиулька» по ощущению — это типа 20 советских копеек. Значит 2 тогдашние копейки — 20 нынешних рублей, 1 копейка — 10 рублей. То есть ниже 10 рублей деньги как бы и не нужны. Ну только чтобы набрать 10 рублей, позлить того, кому их даёшь в метро или в наземном транспорте: «Вот 5, еще 2 и еще 3 по 1». А в морду хошь? Попробуй, набери 10 рублей десятикопеечными — так это до ста считать надо! По факту нынешняя финансовая власть упразднила традиционную русскую копейку, уничтожила её как класс. Да и рубль бы тоже надо уничтожить, не писать «рубль», а какое-нибудь вместо него трансгендерное не то «Р», не то «П» латинское перечёркнутое. Чтобы новую деноминацию открыто не проводить. Всё набиулят-силуянят народ: «Растут темпы снижения инфляции, они уже запредельны, счас взлетаем...» А ведь было когда-то: «В очередной раз в стране снижены цены на ряд значимых продуктов, на бензин, на проезд». Жильё, газ, свет, образование, аптека, кино и театры — те самые копейки стоили... А мне вот приходится...

Утром он пошёл первый раз. Логарифмическая линейка в его мозгу всё хорошо посчитала. Достал старую куртку, которая ещё в гараже висела, старую лыжную шапочку, лыжные ботинки, нитяные перчатки. В пакет сложил ежедневно носимое. Ехал трамваями через весь город, в район, где раньше учительствовал. Старухи уже повылезли из своих нор, забивали транспорт, магазины. Он потолкался в «Магните», потом пошел в «Пятерочку». Выбирал у касс не шибко богато одетых — те расплачивались картами, но и не затрапезных, считавших жестянки. Присматривался к тем, у которых кошельки в размер купюр хотя бы. Наконец решился. Пошел за ней немного позади, осмотрелся, когда завернули за угол — никого. Догнал, из-за пазухи достал короткий стальной стержень в газете, с силой ударил по голове. Поднял выпавшую сумку, вышарил кошелёк, сумку бросил, быстро пошёл вперёд, всё время поворачивая, поворачивая. Квартала через три в углу пустого двора сбросил одежду в мусорный ящик, переоделся в то, что было в пакете. Потом уже спокойнее пошёл к автобусной остановке, которую знал. К обеду был дома.

Новичку повезло. В кошельке было без малого тысяча четыре. Почти две трети написанной на бумажке, спрятанной под скатертью, цифры.

Теперь Козьявкин выходил из дома только по надобности несколько раз в месяц. Чтобы получить деньги и в тот же день их потратить. Дальний район — «Магнит», «Пятерочка», короткая сцена за углом. У себя на районе — сбербанк, платежи, потом продмаг, еда до следующего раза. Логарифмическая линейка считала всё с математической точностью: необходимые суммы, учитывая рост цен и инфляцию, время и сроки, экипировку, конспирацию, маршруты подхода-отхода: статистический и кумулянтный анализ не менее шестого порядка, случайная выборка.

Дома Иван Эдгарович смотрел телевизор. Особенно нравились Галкин, Малахов, «Аншлаг». Почти все телешоу и телесериалы. Даже программы новостей. О том, как движется пенсионная реформа. Ведь мы все помогаем её двигать, каждый по-своему, не так ли?

Ведь и наука, — есть такая про морфологию и онтогенез человека, — до реформы, похоже, ошибалась. В своей, принятой до недавнего времени схеме возрастной периодизации онтогенеза человека, она пожилой возраст ошибочно соотносила у мужчин с паспортным в 56-74 года и в 61-71 год — у женщин. Тут шло постепенное снижение уровня физиологических функций организма. Теперь реформа сдвинула старость вправо лет на пять, мы же ей помогаем с другой стороны сокращением числа старушек. Гармоничное социальное государство. Такое вот ответственное государственно-частное партнёрство.

А вообще: есть ли у старости расписание? Вот вроде бы и срок прописанный твой подошел, ты идешь в Пенсионный фонд, а тебе и говорят: «Вы гражданин, у нас нигде не значитесь. Как говорите? Козьявкин? Нет, вы у нас нигде не значитесь. Нет. Не знаю. Как жить? Ну, займитесь чем-нибудь...» И он даже не спорил, потому что за эти последние несчетные телевизионные годы одичал, почти утратил социальную адаптацию. Молча пошел «заниматься» дальше.

А поскольку не только организм человеческий, но даже и линейка логарифмическая имеет свой срок службы и приходит в негодность, таки он был взят полицией на своём последнем деле, лишился своего последнего заработка. Суд был закрытый, сколько трупов на него повесить, никто не знал, да и он сам уже тоже. Тут чистая случайность: временно отменили мораторий на смертную казнь, и Ивана Эдгаровича быстро провели в это образовавшееся окно возможности. Информповода из этого почему-то не сделали.

Говорят, война не закончится, пока не захоронен последний павший солдат. Мы не знаем, как кончили Козьявкина, где закопали или сожгли его тело, и вообще — хоронили ли его.

* * *

В Европе чаще стали появляться праздношатающиеся, в хлопчатобумажных штанах-рубашках-шляпах с громадными китайскими смартфонами на шее старики и старухи подсохше-неопределенного возраста. Моложавящиеся, бодрящиеся, они немногочисленными стаями бегают турмаршрутами по достопримечательностям, нащёлкивая снимками до отказа карты памяти запоминающих устройств. «Это русские пенсионеры», — говорят фрейлены и мадамы вслед, многозначительно поднимая палец вверх. То ли «фак», то ли знак одобрения.

ТРАГЕДИЯ В ЗАМОРОЧЕНСКЕ

Рассказ

«Понимаете, — говорили на Первом, на РТР, далее по списку, — понимаете, надо сделать так, — говорили премьер-министр, профильные министры, председатели ВТБ, Сбербанка, Роснефти, Газпрома, далее по списку, — надо сделать так, чтобы каждый гражданин уже сегодня, уже сейчас чувствовал улучшение жизни, заботу, чтобы мог жить как человек...»

Исконное название Замороченску всеобщим решением райкома вернули в самом начале периода вставания России с колен. Единогласно отвергли обрыдшее «Посёлок имени Реврасстрела» в пользу хотя неблагозвучного, но исторически правильного. Речка Мороча (ударение на первом слоге), за ней — Замороченск. На въезде к паромной переправе поставили свежий указатель, синий фон которого за четверть века стал белым, но буквы слепой ещё может нащупать, дабы пожелает. С приходом устойчивых погодных «минусов» вместо парома начинала действовать ледовая дорога. «Жизни», хотели, наверное, добавить бы вы. А какая в Замороченске жизнь? — вот наш риторический ответ.

На двери главного местного властного кабинета висела табличка без слов. Их там не было, потому что каждый, заходящий сюда, и так знал, что тут должно было быть написано. «Денег для вас нет и не будет. Никогда». «Никогда» выделено жирным.

Отчасти такое положение дел сложилось в результате какой-то оторванности поселения от остального мира, коммуникационно-информационной отрезанности, если не сказать самостийности. Давний реврасстрел ли тому был причиной, менталитет ли аборигенных жителей, корыстные ухищрения власть предержащих — трудно сказать.

Отчётность наверх замороченское начальство всегда отправляло среднестатистическую по стране, что позволяло Росстату утверждать о неоспоримом и неумолимом росте показателей. В сводки новостей, прям-таки как в условиях военного времени, никогда не попадали цифры наших потерь — ушедших под лёд на переправе, отравившихся угарным газом в домах, умерших от осложнений после гриппа, сторевших в подвале на дискотеке, когда взорвался кислородный баллон. Зачем беспокоить страну такими мелочами. Небеспокойство было взаимным, редко когда с той стороны появлялся беспокоящий объект, который можно было бы идентифицировать как «проверка» или «инспекция». Способствовали этому банковские переводы партнёрам от наших родовых управленцев, в век цифровизации научившимся делать их с помощью электронных устройств прямо из своих коттеджей, а не посылать курьеров с целлофановым мешком. Статус края непуганных идиотов устраивал весь консенсус, режим «кво» соблюдался, пока не пришёл он, форс-мажор — «чп районного масштаба», раздутое в масштаб страны.

— Конечно, они сами были виноваты. В смысле, погибшие. Они хотели сэкономить. На детях. За сто рублей погубили своих же. Хотели опять первое место на конкурсе, а вышло вот как! Им же говорили, а они сделали по-своему. Всё тщеславие... Мы, конечно, скорбим... И не было б так трагично, если б авария произошла бы не в соседней области. У себя, дома, это ещё как-то можно было бы и решить. Всё самодеятельность!

Ну что ж — правду, так правду! Во-первых, поездку организовывали сами родители, мы к ней никакого отношения не имеем. Мы их предупреждали об этом. Второе: ведь были же ещё два предложения от других перевозчиков, автобусы новее. Ну и что, что на сто рублей дороже! Тут же речь о детях идёт, о ДЕТЯХ! Потом, этот их родственник, с которым они договаривались — он вообще без лицензии работает. Где техосмотр

автобус проходил? На острове Русский, в зоне опережающего развития? Кто подписывал эти липовые бумаги? Случайность, говорите, уже много раз возили? Нет, тут случайностей не бывает, тут системный кризис. Виновный в нём родственничек этот должен нести наказание. У нас государство закона.

Да, в этот раз шофер не был пьян. Устал? А где согласованный маршрутный лист? Где сопровождающая машина ГИБДД? Где ремни безопасности? Сегодня вся страна бьётся, выпускаются сотни новых специально оборудованных техсредств, Сколково работает, даже Собянин... Что тут скажешь: они ничему не научились. И если тебя в прошлом году прав лишали, как ты вообще можешь быть допущен к перевозкам людей? Тут должен разобраться суд.

Дальше. Студия, говорите. У нас по документам нет никакой студии. Это какое-то частное лицо. Ну и что, что в ДК репетировали. Их туда вообще два раза пустили. По средам и пятницам, христаради. Похвальные грамоты висят в холле? Они сами просили повесить, не дома же, мол, их вывешивать.

Нет, без лицензии, самодеятельность. Мы ни помещения, ни транспорта не давали. Ни копейки. Всё их частная, на свой страх и риск инициатива. Да, хоронили тоже за свой счет, опять этот родственничек, хотя и под следствием, РАФик-развалюху давал. Вот так и происходят трагедии!